

Глава 3 ТЕОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ МАТРИЦ

Матричный принцип передачи наследственной информации, изменчивости и размножения - самая главная идея XX-го века, равная по значению идеям квантовой механики
С. Шноль

Выдвижение и апробация гипотезы институциональных матриц (в русле социологического институционализма Новосибирской экономико-социологической школы) строятся как объясняющая теория, она имеет свою аксиоматику, взаимосвязанный набор понятий, исторические обоснования и верифицируется применительно к современным процессам. Теория институциональных матриц реализует социологический институционализм как способ особого видения; это попытка по-новому взглянуть на уже известные вещи. В структуре общества - сложного, многоликого, находящегося в постоянном движении, она выделяет его глубинные структуры, своеобразный "геном" общества, который сохраняется и воспроизводится. Такой подход - один из способов преодолеть обособление социаль-

но-экономической науки от наук естественных - химии, биологии, физики и др. Общество здесь рассматривается как живая филогенетически развивающаяся система, приспособляющаяся к внешним условиям. Выявить обеспечивающие это развитие структуры - наша задача. Подробное изложение результатов исследований в области институциональных матриц содержится в наших монографиях, специально посвященных этим вопросам (Кирдина, 2000, 2001). Здесь приведены лишь важнейшие положения и выводы, которые необходимы для понимания оснований дальнейшего анализа X- и Y-экономик..

3.1. Исходные постулаты и ограничения

Развивая те или иные идеи в научном сообществе, важно не только сказать, но и быть услышанным. Формулировка исходных предпосылок - необходимая, на наш взгляд, платформа для дальнейшего научного диалога, в котором мы надеемся быть услышанными и понятыми своими коллегами. Кроме того, если мы стремимся к тому, чтобы, работая в области общественной науки, принести в нее традиции точных и естественных наук, то начать следует с аксиоматики и исходных постулатов (а, стало быть, и ограничений) выдвигаемой теоретической гипотезы. Набор постулатов и аксиом позволяет, во-первых, зафиксировать авторскую методологическую позицию, "вписаться" в определенные научные направления. Во-вторых, тем самым определяется область приложения гипотезы или теории, накладываются ограничения на использование получаемых результатов. Наконец, ничто более не способствует определению предмета теории, чем набор аксиом и постулатов, на которых она базируется. Они - символ теории, и в них заложена первичная концепция мира, каким видит его автор.

Наши постулаты - составляющие системной парадигмы, реализуемой в исследованиях Новосибирской экономико-социологической школы, подробно рассмотренной в 2.2.

Первый исходный постулат (первая аксиома), который принимается "без дальнейшего обсуждения" - это *объективистская направленность* при анализе общества.

Социально-экономические науки понимаются как мультинаправленные, или мультипарадигматические, что отражает реальные трудности в однозначной (всеми признанной) интерпретации сущности предмета. Тем не менее можно выделить по крайней мере два наиболее общих подхода (их часто называют и парадигмами), которые внутри себя представлены конкретными методологическими достижениями, т.е. теориями - объективистский и субъективистский. Они отражают разные взгляды на устройство общества, и рав-

- 47 -

но признаны исторически сложившимися образцами анализа общества как изучаемого феномена.¹

При объективистском подходе, общество рассматривается не как продукт деятельности людей (хотя эта его сторона чрезвычайно важна и присутствует в реальности), но как объективно (независимо от них) существующая реальность. Конечно, это не означает, что мы оспариваем утверждение о том, что генетически общество возникает в результате взаимодействия индивидов. Но обращаем внимание на ту его особенность, что, возникнув, общество начинает жить по собственным законам. Поэтому мы абстрагируемся от присущего обществу свойства, изучаемого во множестве других работ во все времена, - нести на себе отпечаток характеристик индивидов,

1. Известны и другие подходы к определению основных парадигм, существующих в современной социологии. Так, Немировский полагает, что существуют пять основных парадигм, или исходных концептуальных схем, объяснительных моделей, на которые опираются различные концепции. Их различие объясняется разным пониманием социальной реальности. Во-первых, он выделяет парадигму "социальных факторов", при которой социальная реальность сводится к социальным структурам и социальным институтам, отождествляемым с понятием реальных вещей. Эта парадигма берет свое начало в работах Дюркгейма, а ее основными теоретическими направлениями являются структурно-функциональный анализ и концепции социального конфликта. Сюда Немировский относит Сорокина, Парсонса, Мертона и Дарендорфа. Во-вторых, выделяется парадигма "социальных дефиниций", связываемая с работами М. Вебера. В этой парадигме социальное поведение людей обуславливается пониманием ими социальной реальности. Основными теоретическими направлениями здесь являются символический интеракционизм, феноменологическая социология и этнометодология (Мид, Гарфинкель, Лукман). В-третьих, выделяется парадигма "социального поведения", опирающаяся на психологическую ориентацию в американской социологии. Поведение человека рассматривается здесь как соответствующая реакция на определенные внешние стимулы, зависящая от ожидаемого вознаграждения или наказания. Главными теоретическими направлениями в рамках этой парадигмы выделяются бихевиористская социология и теория социального обмена, а главными фигурами - американский психолог Б. Скиннер и Д. Хоманс. В-четвертых, выделяется парадигма "психологического детерминизма", базирующаяся на трудах З. Фрейда. Реальность рассматривается через призму извечного конфликта индивида и общества. Главными теоретическими направлениями здесь являются неопрейдизм (Э. Фромм, Д. Рисмен) и фрейдомарксизм (Г. Маркузе и Ф. Райх). В-пятых, выделяется парадигма "социально-исторического детерминизма", появление которой связано с именами классиков марксизма. В рамках этой парадигмы социальная реальность рассматривается как совокупность отношений между людьми, а в фокусе основного внимания находятся социальные структуры, которые, взаимодействуя друг с другом, порождают социальный процесс. Немировский полагает, что в рамках этой парадигмы реальный человек из объяснительной схемы устраняется, а ведущая роль в общественном развитии приписывается производственно-экономическим факторам

(Немировский, С. 203-204). На наш взгляд, обе классификации не противоречат друг другу, просто наша является более агрегированной, последовательно развернутой Немировским в более подробную, при сохранении базового деления на объективистскую (первая и пятая) и субъективистскую (вторая, третья и четвертая) парадигмы.

- 48 -

его образующих. "Социальное существование" общества автономно по отношению к индивидуальному - эту парадигмальную идею разработал в свое время основатель социологии О. Конт. Общество при таком подходе понимается как реальность *sui generis* (как она есть), на чем вслед за Контом настаивал классик социологии Э. Дюркгейм. Общества, - писал он, - это "реальности, природа которых нам навязывается и которые могут изменяться, как и все естественные явления, только сообразно управляемым ими законам... Мы оказываемся, таким образом, перед лицом устойчивого, незыблемого порядка вещей, и настоящая наука становится возможной и вместе с тем необходимой для того, чтобы описывать и объяснять, чтобы выявлять его характерные признаки и причины (Дюркгейм, 1995. С. 269). Человек может стремиться познать закономерности этого порядка и действовать в соответствии с ними, как, например, он действует, принимая во внимание наличие силы тяжести, с которой нельзя не считаться. Но в конечном счете действия социальных субъектов ограничиваются, определяются этими законами, которые они не в состоянии отменить ни в ходе реформ, ни в ходе революций. Наш подход продолжает, таким образом, известные традиции исторического материализма, одной из центральных идей которого являлось изучение необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей. При данном подходе "не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание" (Маркс, Энгельс, Соч., 2-е изд. Т. 13. С. 6-7). Такой подход реализует также известную идею отчуждения человека от созданных им самим сущностей, которые противостоят ему как внешние, самостоятельные, что позволяет проводить научный анализ этих сущностей, прежде всего, общества и его основных подсистем.

В этом случае общество понимается как самоорганизующаяся система, естественный исторический объект, социальные структуры которого представляют собой реальность, возникающую в результате непреднамеренной деятельности многих людей, а потому носящих естественный, а не искусственный характер. Иными словами, мы признаем, что общество развивается "не на основе решений каких бы то ни было руководящих инстанций, а диалектической игры множества случайностей, через которые и реализуются общесистемные закономерности" (Немировский, С. 216-217). Задача - выявить эти закономерности. На наш взгляд, именно при таком подходе науки, изучающие общество, в том числе и экономику, можно считать науками естественными (Чернавский, 2001, 2004)

Второй постулат (вторая аксиома), на котором базируются дальнейшие рассуждения, - представление общества как целостного образования. Целостность его обеспечивается наличием фундаментальных внутренних связей и структур, сохраняющих свое значение.

- 49 -

И если социальная оболочка общества может постоянно меняться и меняется, - то его внутренние фундаментальные структуры, выполняющие роль своеобразных "несущих конструкций", существуют в неизменном, можно сказать, виде, как историческая необходимость, пробивающая себе путь через

многочисленные случайности и социальные метаморфозы. Внутренние фундаментальные связи представляют собой универсальные и неизменные исторические законы, по которым это целое функционирует. Поэтому при рассмотрении частей, или подсистем, общества, в том числе и экономики необходимо эти определяющие, существенные связи принимать во внимание.

Такой подход к экономике разделяют многие экономисты. Особенно это характерно для российской школы экономической мысли (подробнее об этом см. Главу 12). Экономисты ордолиберального направления придерживаются аналогичного подхода. Например, Х. Зайдель и Р. Теммин Р. в своей работе "Основы учения об экономике" пишут, что экономическая система - составляющая часть социальной системы, а ее назначение - организовать использование людьми ресурсов.

Совместные или разнонаправленные действия людей можно регулировать разными способами. Если в свободе личности усматривается высшая ценность по отношению к другим людям и даже обществу, тогда говорят о принципе индивидуальности. Напротив, если высшая ценность признается за обществом в целом, в особенности - за государством, которому индивидуум полностью подчинен, тогда говорят о принципе коллективизма (социальный принцип). Перенесение принципа индивидуальности на экономику создает предпосылки для формирования системы рыночной экономики с ее великими идеями свободы и благосостояния всех людей. Применение принципа коллективизма в экономике приводит к формированию, как правило, системы централизованного управления экономикой (Зайдель, Теммин, 1994). Карл Поланьи, предвзято многих институционалистов, также предлагал рассматривать экономику как встроенный в контекст всей совокупности культурных традиций и общественных отношений институт (Polanyi, 1957). Другое дело, что для реализации такого подхода необходим специальный инструментарий. Мы попытались его предложить в рамках концепции институциональных матриц.

Понятие *базового института* образует третий исходный постулат, на котором строятся все дальнейшие рассуждения. Очевидно то, что институты - это сложные функционально дифференцированные системы, имеющие различные элементы и составляющие. В данном случае основной интерес состоит в выявлении стабильной составляющей институтов. Именно с этой целью вводится понятие "базового института", характеризующего исторически устойчивые, инвариантные по отношению к действиям отдельных акторов, по-

- 50 -

стоянно воспроизводящиеся в практике социальные отношения. Базовые институты образуют остов, скелет общества, они задают наиболее общие характеристики социальных ситуаций, определяют направленность коллективных и индивидуальных человеческих действий. Базовые институты складываются исторически, в ходе взаимодействия организующегося социума с условиями внешней среды. Они представляют собой устойчиво закрепившиеся "социальные технологии", определяющие характер последующего развития обществ. Если вернуться к разделяемому нами марксову пониманию общества не как совокупности индивидов, но как "суммы связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу" (Маркс, К критике... С. 247), то базовые институты представляют собой самое существенное в этих связях.

Понятие базовых институтов позволяет обособить глубинные, относительно постоянные структуры институциональной среды от ее внешнего, динамичного, меняющегося, поверхностного слоя. Поскольку очевидно, "что один и тот же базис - один и тот же со стороны главных условий - благодаря бесконечно

различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т.д. - может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств" (Маркс, Энгельс. Соч., 2-е изд. С. 354). Это различие нами закрепляется посредством понятия *институциональных форм*. В отличие от базовых институтов, сохраняющих свое содержание, институциональные формы мобильны, пластичны, изменчивы. Они представляют собой конкретные установленные образцы, способы, организации, в которых проявляется порядок взаимодействия социальных субъектов. К ним можно отнести законодательные акты, системы организации труда, формы Хозяйственных связей, политические процедуры и т.п. Институциональные формы - это прямое или опосредованное внешнее выражение базовых институтов, задающих социетальную природу общества.

Применительно к экономике вопрос о разделении институциональных форм и институциональной структуры был поставлен Олегом Игоревичем Ананьиним еще в 1996 г. Он разграничивал их следующим образом. Институциональные формы экономической деятельности, - это эмпирически наблюдаемые явления, такие, как организации с их устоявшимся порядком работы (рутина), правовые и административные нормы, формальные и неформальные каналы коммуникации, информационные потоки и др. В отличие от них институциональная структура экономики определяется как совокупность институциональных отношений, направляющих ход экономических процессов. Среди них - социальные и ценностные структуры, властные и организационные системы, поведенческие стереотипы и

- 51 -

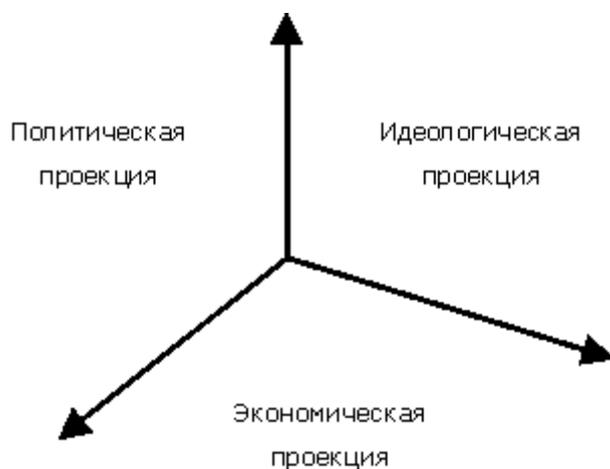

Рис. 1. Схема рассмотрения общества в системе экономических политических и идеологических координат

культурные нормы (Ананьин, 1996. С. 15).

Четвертый постулат концепции - это постулат функциональной необходимости. Он аналогичен условию необходимости и достаточности в точных науках и предполагает, что теоретическое описание исследуемого объекта должно содержать все существенные признаки, позволяющие и обособить, и адекватно описать предмет исследования. В данном случае это означает, что для построения институциональной модели общества (и его подсистем) используется состав базовых институтов, необходимый для того, чтобы релевантно представить строение исследуемого феномена. Одновременно их состав формируется как достаточный для того, чтобы не

привлекать для описания иные понятия, схемы, методологические конструкции. Так, модель целостного общества, используемая в данной работе, выделяет лишь три его проекции как наиболее значимые, с одной стороны, и в которых "схватываются" основные особенности институционального устройства, с другой стороны. "Социологическое воображение" представляет общество в единстве трех его основных проекций², в своеобразной системе координат - экономических, политических и культурно-идеологических (рис. 1)

Согласно этой схеме, любые социальные отношения, образующие остоу общественной структуры, по сути, являются едиными, целостными, т.е. неделимыми, но они могут рассматриваться с разных сторон. В зависимости от предмета науки или разных исследовательских задач могут выделяться следующие стороны социальных отношений:

- **экономические**, т.е. связанные с получением ресурсов для воспроизводства социальных субъектов;

- **политические**, т.е. определенным образом организованные, упорядоченные и управляемые, ориентированные на достижение определенной цели;

- **идеологические**, т.е. реализующие определенную идею, те или иные значимые для общества ценности, что отличает социальную деятельность человека от жизнедеятельности животных.

2. Более подробное обоснование такого взгляда, а также его соотнесение с основными социологическими подходами в отношении образующих общество подсистем представлены в: Кирдина, 2001. С. 49-55

Этот "триединый" взгляд и составляет суть развиваемого в дальнейшем теоретического представления о структуре общества, в котором экономика, политика и идеология, являясь частями одного целого, зависят друг от друга и, в конечном счете, друг друга взаимно определяют. Поэтому связаны между собой действующие в экономической, политической и идеологической сферах базовые институты - основной предмет исследования в теории институциональных матриц. (Подробнее о базовых институтах, действующих в экономических подсистемах, см. 4.2 и главы 5-8).

На основе заданных постулатов формируется основное понятие, посредством которого, по нашему мнению, можно охарактеризовать тип любого общества, а именно - институциональная матрица. Матрица, в переводе с латинского, означает - "матка", основа, первичная исходная модель, форма, порождающая дальнейшие последующие воспроизведения чего-либо. Соответственно, институциональная матрица общества означает первичную модель базовых институтов, т.е. связанных между собой экономических, политических и идеологических институтов, находящихся во взаимно однозначном соответствии (схематическое представление институциональной матрицы показано на рис. 2). Все последующие институциональные структуры воспроизводят и развивают, обогащают эту первичную модель, сущность которой тем не менее сохраняется. Это означает, что институциональная матрица инвариантна относительно действий людей, хотя проявляется в различных, постоянно развиваемых в ходе человеческой деятельности, институциональных формах, обусловленных культурным и историческим контекстом. Матричность, или систем-

Рис. 2. Схематическое представление институциональной матрицы

- 53 -

ный характер институциональной структуры, означает принципиальную невозможность кардинального изменения одного из институтов без изменения всех остальных в этой системе. Понятие институциональной матрицы фиксирует наше внимание на эмергентном характере институтов³, позволяет выделять те институциональные структуры, которые, сформировавшись как необходимые в силу сочетания материальных и исторических предпосылок, передаются, воспроизводятся, продолжают свое существование. Выявление институциональных матриц государств - актуальная задача, поставленная в рамках современной институциональной теории (Норт, 1997а). Их значение состоит в том, что они определяют содержание и направленность основных социально-экономических процессов конкретных обществ.

Институциональная матрица - это сформировавшийся естественным путем, а не в результате преднамеренной деятельности, комплекс институтов, обеспечивающий выживание большой группы людей в тех внешних условиях, в которых они оказались. Институциональная матрица для обществ аналогична архетипам общественного сознания⁴. Матрица несет в себе протосценарии социальных ситуаций.

Обозначенные исходные постулаты задают и ограничивают направления разработки и использования положений теории институциональных матриц. Они определяют, что основное внимание уделяется изучению устойчивых, существующих как рамки для социального поведения, глубинных общественных структур, становление которых обусловлено материальными условиями возникновения и развития государств. В этом случае институциональные структуры обладают приоритетом - онтологическим и методологическим - перед акторами. Исследование направлено на изучение этих исторически сложившихся базовых институтов, определяющих социальные отношения и взаимодействия социальных групп как внешний по отношению к ним фактор. Соответственно, можно выделить ограничения, которые следует иметь в виду при использовании теории институциональных матриц и

распространении получаемых на ее основе результатов на те или иные классы социально-экономических явлений и процессов.

Первое ограничение - это адекватность категории институциональных матриц для исторически устойчивых социально организованных сообществ, имеющих собственную историю. В первую очередь это государства, исторически долго сохраняющие контуры тер-

3. Эмергентность означает, что свойство, раз появившись, закрепляется и передается по наследству.

4. Под архетипами К.Г. Юнг, как известно, понимал элементы коллективного бессознательного, обозначающие суть, форму и способ связи наследуемых бессознательных первичных человеческих первообразов и структур психики, обеспечивающих основу поведения, структурирование личности, понимание мира.

- 54 -

риториальной и политической целостности. Очевидно, что история большинства стран включает в себя периоды сжатия и расширения занимаемого ими пространства, некоторого изменения состава образующих их территориальных общностей, смену форм политической организации и т.п. Тем не менее в отношении большинства современных и древних государств (на основе которых воспроизведены современные) можно говорить о наличии обозначенных выше контуров. Это означает, что к анализу эволюции большинства государств теория институциональных матриц вполне приложима. В то же время ее применение ограничено в отношении, во-первых, догосударственных форм социальной организации (племен, родовых общин и др.). Во-вторых, теория слабо применима к изучению небольших стран, прежде всего находящихся на границе с группами государств с разным типом институциональных матриц (если государства находятся внутри группы однородных стран, теория институциональных матриц "работает" достаточно хорошо). Пограничный характер и относительно малые размеры определяют большую роль внешних факторов (доминирование соседних стран) для "маленьких государств". Поэтому в разные периоды исторического развития они могут тяготеть то к одному, то к другому типу институциональной структуры, что затрудняет выявление присущей им структуры базовых институтов.

Второе ограничение связано со структурным представлением об обществе как объекте исследования. Фокус внимания на структурных характеристиках означает, что преимущественно исследуется статика. Динамика в данном случае предстает как развертывание этой структуры, а механизмы динамического развития специально не выделяются. Заметим, что такой подход является достаточно распространенным в социальных науках. В свое время еще Огюст Конт ввел формулу: "прогресс есть развитие порядка". При таком подходе выявленная посредством понятия институциональной матрицы социальная статика означает солидарность в пространстве, в то время как социальная динамика может рассматриваться как сохранение или изменение солидарности социальных структур во времени. В теории институциональных матриц упор делается на преобладании социальных отношений и их влиянии на последующее развитие общества прежде всего посредством сложившейся структуры этих отношений. Принятая аксиоматика означает ограничение применения нашего подхода к анализу иных движущих сил социально-экономических процессов, связанных прежде всего с деятельностью личностей и групп людей в историческом процессе. Для исследований подобного рода более продуктивны иные подходы. Хотя теория институциональных матриц и позволяет определить "коридоры эволюции" тех или иных государств, она не

дает необходимого аппарата для объяснения того, какими конкретными способами будет организовано (или может быть организовано) движение по этим коридорам.

Конечно,

- 55 -

определяя площадь квартиры, можно пренебречь кривизной Земли. Но при определении траектории космической ракеты эту кривизну необходимо принимать во внимание. Так и в нашем случае - на основе теории институциональных матриц прогнозируются и могут быть "рассчитаны" долгосрочные траектории развития государств, но для анализа сиюминутных ситуаций она не так необходима.

Третье ограничение накладывается на временные параметры тех процессов, для объяснения которых целесообразно использование теории институциональных матриц. Она плохо работает в качестве "ситуационного анализа" мимолетных (в историческом смысле) явлений, но в то же время обладает достаточно хорошими эвристическими возможностями для объяснения динамики долгосрочных процессов, как в ретроспективном, так и в перспективном планах. Также часто она позволяет "вылавливать" из множества возникающих институциональных форм те, которые имеют наибольшую вероятность закрепления в действующих социально-экономической и политической структурах и могут рассчитывать на широкую общественную поддержку. Критерием выступает обычно соответствие той или иной формы природе институциональной матрицы и ее вкладу в формирование необходимого институционального баланса. Другими словами, теория институциональных матриц хорошо объясняет факторы **отбора** тех или иных практических решений, но плохо объясняет факторы их **выбора**. Связано это с тем, что отбор по своей сути - это детерминированный процесс, в ходе которого отбирается наиболее целесообразный вариант, результат отбора предсказуем и достаточно однозначен в рамках теории институциональных матриц. Выбор же представляет собой недетерминированный процесс, который происходит в состоянии неустойчивости. Результат выбора заранее мало предсказуем, часто он происходит как бы случайно, определяется актуальным соотношением политических и экономических сил, внешними и внутренними обстоятельствами развития страны. Для прогнозирования конкретных выборов теория институциональных матриц не может применяться как адекватное методологическое средство. Здесь целесообразно использовать иные социологические, политические или даже социально-психологические концепции.

Итак, теория институциональных матриц при анализе истории обществ акцентирует внимание на постоянном, непреходящем. Шеллинг считал основной характеристикой истории объединение свободы и необходимости; история и возможна лишь благодаря этому единству (*Shelling, 1979. S. 242*). Если субъективистская направленность, имеющая своим основным объектом изучения деятельность социальных групп, главное внимание уделяет фактору свободы в истории, то теория институциональных матриц, развиваемая в рамках объективизма, большее внимание уделяет необходимости в истории. Выражением этой необходимости служат исторические кон-

- 56 -

станты обществ - самовоспроизводящиеся и этим сохраняющие свою природу институциональные матрицы. Общество в этом рассмотрении предстает не как

пространство действий, явлений, определяемых выбором человека, но как глубоко лежащая за общественными явлениями и действиями социальная сущность; мысль ученого движется от анализа внешних факторов к исследованию возможных обуславливающих их причин. Такими сущностями, генетическими причинами общественных феноменов являются институциональные матрицы общества, порождающие его постоянно развивающиеся и исторически преходящие институциональные структуры.

3.2. Два типа институциональных матриц (X и Y - матрицы)

Если продолжить следование логике естественно-научного знания, то после определения аксиом, условий и ограничений нужно сформулировать само утверждение (теорему, положение, закон и т.д.), а затем перейти к доказательству. В данном параграфе мы сформулируем утверждение о том, что все многообразие конкретных особенностей большинства государств, существовавших и существующих на земле, можно при определенном уровне абстракции представить в виде двух идеальных типов (в смысле Макса Вебера), качественно различных институциональных матриц, агрегирующих в себе реальное многообразие социальных связей. Мы назвали их X и Y - матрицы. Несмотря на кажущуюся упрощенность, мы полагаем, что такое разделение вскрывает глубокие и существенные различия, которые не всегда принимаются во внимание в социально-экономических исследованиях в должной мере. Кроме того, не всегда простота означает упрощенчество. Как говорил в свое время академик Никита Николаевич Моисеев, с которым нам посчастливилось неоднократно беседовать, "Понимание приходит лишь через достаточно простые образцы реальности".

Итак, X и Y - матрицы отличаются комплексами образующих их базовых институтов (рис.3.).

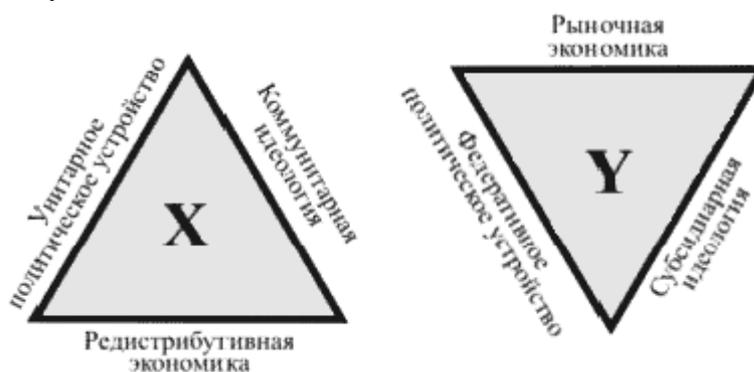

Рис. 3. Различие X- и Y-матриц

- 57 -

Для **X- матрицы** характерны такие базовые институты:

- в экономической сфере - *институты редистрибутивной экономики* (термин К. Поланьи*). Сущностью редистрибутивных экономик является обязательное опосредование Центром движения ценностей и услуг, а также прав по их производству и использованию;
- в политической сфере - *институты унитарного политического устройства*;
- в идеологической сфере - *институты коммунитарной идеологии*, основное содержание которых состоит в доминировании коллективных, общих ценностей над индивидуальными, приоритет Мы над Я.

Мы полагаем, что X- матрица доминирует в России, большинстве стран Азии и Латинской Америке.

Y- матрица, в свою очередь, имеет следующие базовые институты:

- в экономической сфере - институты рыночной экономики;
- в политической сфере - институты федеративного политического устройства;
- в идеологической сфере - институты субсидиарной идеологии, в которых закрепляется доминирующее значение индивидуальных ценностей по отношению к ценностям сообществ более высокого уровня, которые, соответственно, имеют субсидиарный, подчинительный по отношению к личности, характер, т.е. в идеологических институтах закрепляется приоритет Я над Мы.

Очевидно, что Y-матрица доминирует в большинстве стран Европы и США.

Дадим краткую характеристику институционального устройства того и другого типов.⁵ Начнем с описания X - матрицы.

В экономической системе стран с X- матрицей преобладают институты редистрибутивной X-экономики. В рамках такой экономики через Центр происходит аккумуляция основных создаваемых продуктов, согласование условий их производства и потребления, а также редистрибуция (распределение) ресурсов и продукции между участниками хозяйственного процесса. Основу экономики составляет централизованно-управляемая условная верховная собственность, независимо от конкретной своей формы - княжеской ли, государственной, федеральной и т.д. Поскольку хозяйство таких стран в основной тесно взаимосвязано, то главная задача экономических субъектов - не столько заработать себе прибыль, сколько обеспечить сбалансированность производства и его пропорциональность, иначе недостаток или избыток в одном

* Известен другой перевод фамилии автора - Полани

5. Подробнее см. Кирдина, 2001, 2002.

сегменте чреватые осложнениями для всего хозяйственного механизма. Поэтому так велика роль планирования и *координации* материальных и денежных потоков в редистрибутивных экономических системах. Трудовые отношения регулируются институтом *служебного труда*⁶, определяющего необходимость всеобщей занятости населения.

В политической сфере обществ с X-матрицами доминируют **институты унитарного (унитарно-централизованного) политического устройства**. Унитарная политическая структура характеризуется наличием института *иерархической вертикали власти во главе с Центром*, а также принципами *административного построения* государства, при котором его территориальные единицы не являются суверенными и независимыми в политическом отношении. Поэтому поле компетенции местных (региональных) властей всегда уже, чем поле совместной компетенции Центра и регионов или Центра как такового. В управленческих структурах унитарного типа доминируют принципы *назначения*, а не *выборности*. Главным средством обратной связи в такой политической системе являются *обращения по инстанциям*. На их основе корректируются правила политической жизни, принимаются те или иные

управленческие решения. Централизованные структуры требуют также принципа *единогласия* при принятии решений, что находит свое выражение в разработке и реализации механизмов согласительных процедур, характерных для современного российского, японского и других обществ такого типа.

Идеологическая сфера обществ с X-матрицей отличается преобладанием **коммунитарной X-идеологии** на всех этапах исторического развития. Известно, что коллективизм, признание общественных ценностей выше личных - особенная черта культуры и идеологии российского общества, равно как и китайского, японского и других, в которых преобладают институты X-матрицы. Например, выражением коммунитарных идеологических институтов на заре нашей истории были ценности "единства земли Русской", а в недавнем прошлом - идея "коммунистического общества". Институты коммунитарной идеологии включают в себя, наряду с институтами *коллективизма*, также *эгалитаризм* - как нормативное представление о социальной структуре и *порядок* - в качестве принципа устройства общественной жизни.

Экономические, политические и идеологические институты в X-матрице тесно связаны, поддерживают друг друга и не могут существовать друг без друга. Действительно, общая собственность редиистрибутивных экономик объективно требует централизованного

6. Термин введен *Бессоновой* в разрабатываемой ею теории раздаточной экономики (Бессонова, 1994, 1997, 1999).

- 59 -

политического управления для своего использования, что не может не поддерживаться господством коллективных, общественных ценностей, разделяемых населением этих стран.

В отличие от России и ее "собратьев" по институциональной X-матрице большинство стран Европы, а также США, как уже отмечено, характеризуются преобладанием институтов **Y-матрицы**. Что это за институты? В экономической сфере западных стран на протяжении всей их истории доминируют **институты рыночной Y-экономики**, т.е. *обмена (купли-продажи)*. Основой таких экономик являются *частная собственность*, которая главенствовала и в Римской империи в эпоху ее расцвета, и составляет остов хозяйственной системы современных Соединенных Штатов Америки и европейских стран, а также *наемный труд*. Главный стимул производства для изолированных частных собственников - *прибыль*, иначе, предоставленные самим себе, они не смогут осуществить следующий шаг в своей хозяйственной деятельности. Между участниками рынка существует *конкуренция*, в ходе которой сильнейшие игроки получают доступ к тем или иным ресурсам или продуктам. Рыночная система хорошо нам известна из учебников по политической экономии, а также из исследований Карла Маркса, который дал научное описание действующей экономики такого типа.

Политическая сфера стран с Y-матрицей регулируется преобладанием **институтов федеративного устройства**. Это означает следующее: независимо от того, есть ли в названии страны слово "федерация" или нет, принцип федеративного, "соединительного" построения государства "снизу вверх", из отдельных самостоятельных княжеств, штатов, земель к единому территориальному образованию - всегда господствует. Таким образом, все западные страны в политическом отношении построены на *федеративных началах*. Управленческая структура также строится "снизу вверх", на основе *самоуправления* и *выборов*. При принятии решений действует принцип *многопартийности* и *демократического большинства*, а главной политической

силой являются партии, в которых консолидируются интересы разных групп населения и экономических сил. Отсутствие доминирующей вертикали власти, которая берет на себя разрешение конфликтов на всех "этажах" государственного устройства, компенсируется наличием *независимой судебной системы* и правом судебного иска, которым пользуются граждане и организации для защиты своих интересов.

В идеологической сфере стран с Y-матрицей преобладают институты **субсидиарной** Y-идеологии, в которых закрепляется главенство индивидуальных ценностей над общественными. Термин "субсидиарность" введен в употребление папой римским Пием XI в 1931 г. для обозначения фундаментального, как он полагал, принци-

- 60 -

па христианской социальной доктрины (*Oxford English Dictionary*, 1989. P. 59). Субсидиарность обосновывает подчиненность, дополнительность всех общественных структур по отношению к главной доминанте социального развития - личности. Субсидиарность означает безусловный приоритет личности по отношению ко всем организациям, ассоциациям и другим общественным структурам, к которым она принадлежит или членом которых является. Конечно, субсидиарность как феномен имеет гораздо более почтенный возраст, чем введенный для его обозначения термин. Институты субсидиарной идеологии включают в себя институты *индивидуализма*, которые являлись основанием государственных идеологий западных стран во все времена - был ли это культ античных героев, или религия христианства в форме католичества или протестантства, или концепции современного либерализма. К ним также относятся *стратификационный принцип* построения социальной структуры и *свобода* как основа общественной жизни.

Так же как и в X-матрице, институты Y-матрицы внутренне связаны, являясь выражением одного типа общества, но в разных его проекциях - экономической, политической и идеологической. Частной собственности и конкуренции в экономике соответствуют конкуренция за избирателей на выборах в политике, а идеологической основой и того и другого является индивидуальная личная свобода, проявляющая себя в господстве субсидиарных идеологических институтов.

Отметим важный момент. X- и Y-матрицы, как и соответствующие им X- и Y-экономики, представляют собой идеальные типы, одно из теоретических средств для анализа сложной социальной реальности. Конкретные факты свидетельствуют: как, например, в генетической структуре мужчин и женщин присутствуют X- и Y-хромосомы, так и в обществе взаимодействуют институты X- и Y-матриц. Аналогично тому, как пол человека определяется соотношением X- и Y-хромосом, так и тип общества определяется тем, институты какой матрицы в нем доминируют. Подробнее процесс взаимодействия базовых и альтернативных экономических институтов будет рассмотрен в Главе 9. Мы покажем, что поступательное развитие общества и образующих его подсистем требует необходимого институционального баланса, т.е. взаимодействия базовых, присущих генетической матрице институтов, и дополнительных, комплементарных, альтернативных.

- 61 -

3.3. Коммунальность/некоммунальность материально-технологической среды как основной фактор формирования типа институциональной матрицы

В этом параграфе дается обоснование роли материально-технологической среды в формировании того или иного типа институциональной матрицы и, соответственно, типа экономики. Материально-технологическая среда в данном случае понимается как значимые для организации социальной жизни природные условия, общественная инфраструктура и отрасли, приоритетные для обеспечения жизнедеятельности населения.

Посредством понятия коммунальности и некоммунальности материальной среды определяется ее важнейшее общественное свойство, проявляющееся при вовлечении элементов окружающей действительности в хозяйственный и социальный оборот. Данное понятие впервые было определено нами в 1996 г., и тогда же высказана гипотеза о влиянии коммунальности/некоммунальности на характер складывающихся в обществе институтов (*Бессонова, Кирдина, О'Салливан, 1996. С. 22-24; Bessonova, Kirdina, O'Sullivan, 1996. P. 17*). В исследованиях последних лет эта гипотеза была подтверждена многочисленными фактами из истории развития России и ряда зарубежных государств, а также дополнена анализом факторов, определяющих тот или иной характер материально-технологической среды (*Кирдина, 1999; Кирдина, 2000, и др.*).

Коммунальность означает свойство материально-технологической среды, предполагающее ее использование как единой нерасчленимой системы, части которой не могут быть обособлены без угрозы ее распада. Коммунальная среда полноценно функционирует только в форме общественного блага, которое не может быть разделено на единицы потребления и продано (потреблено) по частям. Соответственно, использование такой среды требует совместных координированных усилий значительной части общества и единого централизованного управления. Поэтому содержание институтов государств, развивающихся в условиях коммунальной среды, определяется, в конечном счете, задачами согласования общественных усилий для эффективного ее функционирования. Таким образом, при коммунальной среде складываются институты X-матрицы.

Изначально коммунальность производственной среды определяется хозяйственным ландшафтом - исторически первичным условием производства. Население начинает вовлекать его в хозяйственный оборот. Но среда сопротивляется усилиям одиночек, заставляя людей объединяться уже на стадии организации производственного процесса. Необходимость объединения задается, как правило, при-

меняемой технологией, которая оказывается конкурентоспособной по сравнению с технологиями индивидуального производства. Так действует закон экономии трансакционных издержек, который, в конечном счете, определяет специфику экономических, политических и идеологических институтов.

Характерным примером такого типа материально-технологической среды является, например, сложившаяся в сельском хозяйстве Китая система заливного рисоводства, распространившаяся затем в Японии, Корее и Юго-Восточной Азии. Она представляла собой большое число мелких террасированных полей, связанных ирригационной системой и начинающих давать отдачу на затраты труда не сразу, но зато способную функционировать столетиями. Эта единая хозяйственная система требовала неукоснительного и четкого соблюдения технологической дисциплины всеми использующими ее многочисленными хозяйствующими субъектами, централизованного управления и общей внешней защиты, поскольку разрушение на одном участке грозило гибелью всей системы (*Кульпин, 1995. С. 223*). Коммунальными по своей сути

являлись также ирригационные системы Египта, противопаводковые системы восточных государств, системы водных путей, волоков и каналов Древней Руси.

В свою очередь, *некоммунальность* означает технологическую разобщенность, допускает обособленность важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их самостоятельного функционирования и частного использования. Некоммунальная среда разложима на отдельные, не связанные между собой элементы, она обладает свойством дисперсности и может существовать как совокупность разрозненных, отдельных технологических объектов. В этом случае индивидуум или семья способны самостоятельно, без кооперации с другими членами общества, вовлекать части некоммунальной среды в хозяйственное использование, поддерживать их эффективность и независимо распоряжаться полученными результатами. В этом случае главной функцией складывающихся институтов государства является обеспечение взаимодействия между обособленными хозяйствующими и социальными субъектами. Помимо хуторских хозяйств и фермерских участков, некоммунальная материальная среда представлена автономными системами обеспечения теплом, непосредственно в зданиях, отдельными энергостанциями, не связанными в общую систему, обособленными железнодорожными линиями и т.д.

Пример того, как некоммунальная среда определяет технологические способы ее освоения и использования, показывает исследование С.В. Лурье, в котором сравниваются способы освоения Русского Севера местными колонистами и территорий Скандинавии западными финнами-тавастами. Русские всегда переселялись

- 63 -

группами и принимались за обработку целинных участков коллективно. Финн же селился на новой земле в одиночестве со своим небольшим семейством, сам ставил жилье и создавал поле, на котором выращивал достаточный для пропитания семьи урожай (Лурье, 1998). Природные условия Русского Севера требовали коллективных технологий, в то время как более благоприятные условия в Скандинавии позволяли развивать технологии индивидуального земледелия.

Материально-технологической среде России изначально было присуще свойство коммунальности, что требовало объединения усилий всех социальных групп в государстве и централизованного управления для того, чтобы данная среда эффективно функционировала как среда производственная. По мере исторического развития коммунальность материально-технологической среды в России углублялась и возрастала, свойство коммунальности распространялось и становилось характерным не только и не столько для ресурсной, природной среды, сколько для важнейших технологических систем и отраслей общественной инфраструктуры.

Рассмотрим этот процесс более детально, поскольку необходимость такого подробного описания объясняется важностью вопроса. Дискуссии по поводу нашей концепции в научной среде доказывают, что значение материального фактора в формировании определенного типа институтов обычно недооценивается. Связано это, возможно, с тем, что социологи и экономисты, развивающие сегодня институциональный подход в своих исследованиях, по роду своей профессиональной подготовки лишь эпизодически сталкиваются с экономической географией, ландшафтоведением и тому подобными дисциплинами. Как мы не замечаем воздуха, которым дышим, так и естественные условия часто остаются незамеченными в институциональном анализе. Поэтому на примере России представлена специфика и историческое

развитие присущей материально-исторической среды с тем, чтобы связь между характером институтов и внешней материальной средой стала для читателей столь же очевидной, как и для нас.

Коммунальный характер основных средств производства - в широком смысле этого слова, включая используемые в хозяйстве природные ресурсы - просматривается уже с IX в. - начала истории русского государства. Прежде всего он проявлялся в аграрной сфере, где использование земли в силу ряда перечисленных ниже факторов требовало общей, совместной ее защиты и обработки. Неблагоприятный климат в местах расселения славянских племен, образовавших затем древнерусское государство, обусловил применение специфических технологий обработки земли. Короткие сроки проведения полевых работ и особенности применявшейся подсечно-огневой системы земледелия требовали концентрации коллективных усилий

- 64 -

попеременно на разных этапах земледельческих работ. Поэтому возделывали землю, как правило, несколькими семьями или всем селением.

Особенности российского климата, не позволяющие развивать на нашей территории характерные для западных стран институциональные формы, известны (см., например, *Паршев, 2000*). Во-первых, это - холодные зимы. Естественно-физическая граница России совпадает с изотермой января, соответствующей средней температуре этого месяца -8 °С. Если сравнить наш климат с климатом других северных стран, к примеру, со Скандинавией и Канадой, то мы видим, что в Скандинавии благодаря теплоту Гольфстриму январская температура составляет +2 °С, что означает более мягкие и менее продолжительные зимы. А самый северный крупный город Канады, Эдмонтон, находится на широте Курска, и если в Канаде основная часть населения проживает южнее этой границы, то у нас, наоборот, севернее. Вторая особенность нашего климата - длинные зимы, что сокращает период земледельческих работ до 4-6 месяцев. Низкая урожайность сельскохозяйственных культур в условиях холодного климата требует привлечения к обработке гораздо больших площадей, чем в странах Западной Европы. Например, в средние века французский аграрий мог прокормить семью из четырех человек с пяти гектаров пашни, русскому же требовалось земли в шесть раз больше (*Валянский, Калюжный, 1998. С. 5*).

Природно-климатические условия ставили древнерусских земледельцев перед незнакомой европейским крестьянам и трудно разрешимой задачей: земли нужно обработать много, а сроки проведения сельскохозяйственных работ короткие. Решением являлась концентрация значительных групп работников в общине, что позволяло экономить организационно-управленческие трансакционные издержки. Убедительную аргументацию этого положения со ссылкой на множество исторических свидетельств приводит в своих работах известный историк Л.В. Милов (*Милов, 1997, 1998, 2003*).

Применяемая технология обработки земли в виде подсечно-огневой системы также способствовала закреплению общинных, коллективных форм хозяйства и собственности. Распространение огневого хозяйства было обусловлено, во-первых, отсутствием значительного количества пашни в лесистых местах первичного расселения славян, и, во-вторых, его высокой сравнительной эффективностью. Урожаи на лядях - полях, получаемых в результате вырубki леса и пожара мелкого кустарника, были очень выгодны. В первые годы они достигали с одного посеянного зерна "от 7 до 15 зерен, иногда до 25-30" (*Энциклопедический словарь, 1897. Т. 21. С. 695*), не требуя

никаких удобрений, в то время как средний урожай на российских землях в тот период составлял 3 или 4 зерна с одного посе-

- 65 -

янного. Именно по этой причине огневая система земледелия активно применялась в России вплоть до начала XX в. как в северных и приозерных, богатых лесами районах, так и при хозяйственном освоении новых земель в Сибири и на Дальнем Востоке.

Когда по истечении 5-6 лет земля истощалась, ляды обычно запускались под древесную поросль, т.е. забрасывались на 1,5-2 поколения, и только внуки возвращались к ее обработке. Коллективный характер труда на огневой пашне и постоянный переход на другие земли не способствовали закреплению частных прав собственности на определенные земельные участки. Вся земля, как находящаяся в обработке, так и в перспективе к ней предназначенная, считалась общей (или княжеской, или царской, или государственной - по мере развития истории), общими усилиями возделывалась и общими усилиями охранялась от набегов иных племен. Другими словами, земля как основное средство производства и перспективного выживания представляла собой не тот конкретный участок, который нынче обрабатывался, а все пространство, предназначенные к обработке в будущем и требовавшее в связи с этим своей охраны общими усилиями. Это и означало коммунальный характер земли как средства производства, что требовало единого управления и обеспечения в динамике общего доступа к различным ее частям (участкам).

Другие формы использования земли, аналогичные западноевропейским образцам, оказывались неэффективными. С точки зрения рыночных критериев, земледелие на Руси было неприбыльным занятием. На это в свое время указывал знаток прусского сельского хозяйства Август Гакстгаузен, побывавший в России в 1840-х годах и сделавший выкладки относительно доходности хозяйств в Верхнем Поволжье. Он заключил свои изыскания следующим советом своим соотечественникам: "Если вам подарят поместье в северной России при условии, чтобы вы вели в нем хозяйство так же, как на ферме в Центральной Европе - лучше всего будет отказаться от подарка, так как год за годом в него придется только вкладывать деньги" (см.: *Пайпс*, 1993. С. 47). Это высказывание представляет собой заключение независимого эксперта позапрошлого века о проблематичности фермерской организации хозяйства в условиях России и подтверждает особое свойство российской земли как коммунального средства сельскохозяйственного производства.

Леса на Руси также были элементом коммунальной материальной среды. Лесные промыслы, наряду с земледелием, служили вторым условием выживания наших предков. Известно, что лесная полоса России изобиловала дичью и необыкновенным разнообразием пушного зверя. Меда также было сколько угодно, а реки и озера кишели рыбой. Леса, озера и реки, дававшие значительную часть внутреннего валового продукта, с самого начала считались общим дос-

- 66 -

тоянием и находились, как правило, в коллективной или "государевой" собственности и в общем пользовании.

Наряду с землей и лесами, основу коммунальной материально-технологической среды России составляла система речных путей. Совместными усилиями варягов и славян реки, протоки, озера были соединены между собой через волоки и каналы. Таким образом, эта основанная на речных путях

транспортная система, функционировавшая и летом, и зимой, формировалась как общее, одинаково ценное для всех достояние и требовала совместного использования и защиты. В "ключевых местах" транспортной речной системы ставились города и крепости. Речные пути обеспечивали общий для всех выход на внешние рынки, прежде всего, в Византию, куда все российские регионы того времени вывозили летом по речным путям мед, меха, воск и т.д.

Внутренние рыночные отношения в российском государстве практически не складывались. По свидетельству В.О. Ключевского, в первые века нашей истории не отмечалось хозяйственных различий по почвенным и ботаническим полосам, поэтому во всех зонах развивались аналогичные отрасли: земледелие, звероловство и бортничество (Ключевский, 1987. Т. 1. С. 80). В этих условиях торговый обмен был целесообразен в основном с чужими странами. Поэтому население было заинтересовано в охране созданной коммунальной системы речных путей, по которым проходил основной путь "из варяг в греки". Защита и купеческое использование этого пути были, по мнению ряда историков, одной из основных экономических задач призванных славянами варяжских князей и их дружин.

Итак, с самого начала российской государственности основные условия производства, обеспечивающие выживание русского общества, были по своей сути коммунальными. Это значит, что они требовали коллективных усилий и общих правил для своего использования, что и обусловило становление и развитие институциональной системы, основанной на общей собственности и едином централизованном политическом управлении. Соответственно формировалась идеология, подразумевающая приоритет общего блага, необходимого для выживания всех, над частными интересами.

В ходе исторического развития коммунальность материально-технологической среды в России не уменьшалась, а постоянно возрастала. При этом центр тяжести все больше перемещался с природной среды (земельных ресурсов, лесов, недр и др.) на материально-техническую инфраструктуру.

Прежде всего коммунальность осталась характерной чертой для ресурсной среды аграрного производства, так как за прошедшие столетия природно-климатические условия страны практически не изменились. Развиваемые в сельском хозяйстве технологии

- 67 -

лишь приспособлялись к этим условиям, стараясь более эффективно использовать факторы производства, но не могли кардинально их изменить. Поэтому на всех этапах российской истории преобладали коллективные формы организации сельскохозяйственного труда, основанные на общественных (коллективных) формах собственности на землю. Если, например, в Грузии и Литве, а также у финского населения, процент общинного землевладения к началу XIX в. был равен нулю, то в Великороссии он составлял от 98% - на севере и востоке до 89% - на юге и западе (Качоровский, 1900. С. 71).

Технологическая и экономическая целесообразность общественных форм в российской земледелии, детерминированная материальными условиями ведения хозяйства, является существенным аргументом, объясняющим их историческую устойчивость. Эта устойчивость наиболее ярко проявлялась в периоды, когда осуществлялись попытки изменения отношений собственности и форм производства в аграрном секторе. Во времена известной аграрной реформы 1906-1907 гг., проводившейся под руководством П.А. Столыпина, несмотря на активную государственную поддержку крестьян, желавших выйти из общины, доля их была относительно невелика. На экономическую причину

этого указывали исследования, проводившиеся в тот период времени. Факты не подтверждали, что на общинных землях хозяйство велось хуже (*Кауфман, 1919. С. 147*). Видимо, можно признать, что община как форма организации хозяйства не изжила себя, и решение о ее ликвидации не было достаточно обоснованным экономически. Не случайно в начале XX в. - артели, а при советской власти - колхозы и совхозы - вновь становятся основной формой организации сельскохозяйственного производства.

В ходе современных реформ, как и в начале века, распространение индивидуальных фермерских хозяйств не стало таким массовым, как ожидалось. В настоящее время фермерские хозяйства составляют в среднем 2% объема сельскохозяйственного сектора страны. При этом рост числа фермерских хозяйств и обрабатываемых ими сельскохозяйственных площадей с середины 1990-х годов практически прекратился и уже несколько лет находится на стабильном уровне (*Калугина, 1998, 2000; Kalugina, 1998*).

Особенности коммунальной материальной среды наложили свой отпечаток на специфику процессов индустриализации в России. Они проявились в том, что развитие российской промышленности осуществлялось преимущественно на основе общественных (казенных, государственных) форм собственности и единого централизованного управления. Свидетельством этому является строительство первых казенных заводов при Петре I с последующей их передачей в управление промышленникам. Казна также беспроцентно ссужала

- 68 -

частных предпринимателей средствами для устройства фабрик и заводов, которые они затем возвращали в виде необходимой стране продукции. При этом первым предпринимателям России был дарован целый ряд льгот, за которыми стояло фактическое участие государства в развитии первых фабрик (*Россия, 1991. С. 276*):

- казна снабжала первые частные фабрики инструментами и орудиями производства;
- за счет казны выписывались мастера из-за границы;
- для работы на этих казенных, переданных предпринимателям предприятиях приписывались государственные крестьяне;
- промышленникам предоставлялись освобождение от государственной службы, временные льготы от податей и пошлин, беспошлинный ввоз из-за границы машин и инструментов, свобода от воинского постоя и т.д.

Главной задачей российских предпринимателей, или условных владельцев фабрик, заводов, рудников и казенных земель было "служить государству", т.е. поставлять в казну производимую на этих производственных мощностях продукцию по указным ценам и в необходимом для казенных надобностей объеме. Если эти условия не соблюдались, государство изымало предприятия обратно в казну или передавало другому, более эффективному управляющему.

Развитие российских железных дорог на территории страны в данных нам природно-климатических и геополитических условиях также, в конечном счете, стало возможным в результате деятельности общественного субъекта - государства (*Караваева, 1996. С. 55*). Первая железная дорога, открытая в 1838 г., была введена в действие частным предпринимателем. Но уже следующая дорога (1848 г.) достраивалась за счет казны, поскольку созданное для этих целей общество было не в состоянии завершить ее постройку. До конца 1850-х годов строительством и эксплуатацией железных дорог продолжала заниматься казна, но с 1857 г. их постройка вновь была передана

в частные руки, и организовано Главное общество российских железных дорог. Тем не менее и в этот период "редко постройка какой-либо дороги обходилась без пособия казны или без гарантии, по которой казна, ввиду малоодоходное™ дороги в первое время, вынуждена была приплачивать большие суммы" (*Энциклопедический словарь*, 1893. Т. 11. С. 781). По состоянию на 1 января 1890 г. доля дорог в собственности правительства составляла лишь 29,4%, а остальная, преобладающая часть принадлежала частным владельцам. Но уже к 1898 г. это соотношение изменилось кардинально - доля казенных железных дорог увеличилась до 63,3% (рассчитано нами по кн.: *Россия*, 1991. С. 357). Это было связано с тем, что, начиная со второй половины 1890-х годов, эксплуатация действующих и строительство новых дорог все более сосре-

- 69 -

дотачиваются в руках государства. Только за период 1894-1897 гг. более половины (6820 верст из 13392) частных дорог было выкуплено казной и перешло в руки государства (рассчитано нами по кн.: *Россия*, 1991. С. 356). Со временем государство стало основным собственником железнодорожной сети, что сохранилось в России до настоящего времени.

Сравнение процесса создания железнодорожной сети в России с развитием железных дорог во Франции, Германии, Англии позволяет предположить, что действия российского государства как основного организатора и собственника - не следствия воли отдельных его чиновников или самодержавных амбиций руководителей. Они были обусловлены свойствами нашего пространства и материальной среды, хозяйственное использование которых оказывалось более эффективным в едином производственном и управленческом процессах. Такая организация, как показывает историческая практика, позволяла экономить общественные издержки и развивать национальное хозяйство.

Современный железнодорожный транспорт России, на долю которого приходится 80% грузовых перевозок (по тонно-километрам) и 41% пассажирских перевозок (в пассажиро-километрах), продолжает являться важнейшим элементом коммунальной материально-технологической среды в России. Для сравнения отметим, что в Англии, например, железные дороги осуществляют всего 3% всех перевозок (*Оправдано ли копирование европейской модели реструктуризации железных дорог*, 1998. С. 4-5). В других западных странах перевозки по железным дорогам также значительно уступают автомобильному транспорту, который занимает лидирующее место в системе транспортных коммуникаций.

Нынешняя организация сети российских железных дорог, напоминающая, по образному выражению специалиста 1920-х годов по районированию И.А. Александрова, скелет рыбы, учитывает геополитические особенности страны и прежде всего ее протяженность с запада на восток: к магистралям под острым углом примыкают линии второго и третьего порядка. Это отличает, например, нашу железнодорожную систему от системы США, которые пересечены параллельными линиями обособленных железных дорог между основными производственными центрами. Нашу же железнодорожную сеть разрезать, расчленив невозможно, она - моноцентрическая. Каждая дорога обслуживает свой сектор, и строить другую дорогу в каждом таком секторе оказывается нецелесообразно, так как это чрезвычайно дорого.

Такая схема российской железнодорожной сети позволяла достигать больших скоростей движения и низкой себестоимости перевозок. Эти ее преимущества сохранились даже в условиях кризиса национальной экономики в конце 1990-х годов. По данным академи-

ка РАТ В.А. Персианова, директора Института проблем управления транспортом, российские железные дороги в настоящее время обеспечивают производительность 1 млн 300 тыс. тонно-километров на одного занятого на перевозках. Это в 2,5-3 раза выше, чем в Европе (Англии, Франции и Германии) и в Китае, находящемся на пике экономического подъема (здесь этот показатель составлял лишь 450-470 тыс. тонно-километров на одного занятого). При этом средний железнодорожный тариф на перевозки у нас в 8-10 раз ниже, чем в любой железнодорожной сети стран Запада (*Оправдано ли...*, 1998. С. 4-5). Л.С. Федоров, зав. сектором производственной инфраструктуры ИМЭМО РАН, отмечает, что, в сравнении с США, время оборота вагонов у нас в 2-3 раза меньше, несмотря на то, что расстояния перевозок больше (*Там же*). Приведенные данные свидетельствуют об экономичности железных дорог России и целесообразности реализованных при их строительстве и функционировании технических и организационных решений.

Признание коммунального характера железнодорожной транспортной сети впервые отражено на уровне государственного законодательства. В принятом в 1998 г. законе Российской Федерации "О федеральном железнодорожном транспорте" определено, что "Железнодорожный транспорт является единым производственно-технологическим комплексом", и это закрепляет невозможность его организационно-экономического расчленения.

Последовательное углубление коммунального характера материально-технологической среды нашего государства выразилось в особенностях организации не только аграрной сферы, системы речных путей или железнодорожного транспорта, но и в устройстве других важнейших отраслей, составляющих основу российской экономики - энергетики, централизованных коммуникаций теплоснабжения, жилищно-коммунального хозяйства городов, системы трубопроводного транспорта. Сегодня, как и железные дороги, данные отрасли представляют собой единые технологические комплексы, могут эксплуатироваться только в таком качестве, а их расчленение или технически невозможно, или чрезвычайно дорого для современного общества.

Таким единым производственно-технологическим комплексом является прежде всего Единая энергетическая система (ЕЭС России), включающая в себя энергостанции, связанные передаточными линиями - ЛЭП. Все перетоки электроэнергии внутри ЕЭС регулируются Центральным и Объединенными диспетчерскими управлениями. Формирование ЕЭС в такой конфигурации было вызвано потребностями развития производства и жизнеобеспечения населения. При этом выбранная технологическая схема позволяла достигать этих целей с минимальными издержками. В рамках ЕЭС обеспечивалась значительная "экономия от масштаба", которая

увеличивалась за счет протяженности России в широтном направлении, поскольку технологические особенности системы позволяли и позволяют использовать для покрытия суточного пика потребления в ее восточной части "спящие" мощности западных регионов.

По уровню технологии и организации развития ЕЭС опережала все известные аналоги в мире. Несмотря на то, что уровень резервных мощностей у нас был заметно ниже, чем в системах США или Западной Европы, Россия не знала аварий, даже приблизительно сопоставимых по масштабам с происшедшими в США; например, аварии электросистем в районе Нью-Йорка в 1966 и 1977 г. (*Скрыпник*, 1997. С. 38). Стабильное обеспечение

электроэнергией производства и населения долгое время было характерной чертой экономики страны. Экономическая эффективность, которой отличалась российская энергетика, достигалась по энергетической системе в целом, в то время как отдельные региональные системы могли быть дефицитными или избыточными по электроэнергии.

Экономическая целесообразность такой организации производства и потребления электроэнергии, как и технологическое единство ЕЭС, являлись и являются материальной преградой приватизации отрасли и не позволяют реализовать в ней эффективные в других условиях чисто рыночные схемы. Даже специалисты журнала "Эксперт", отличающегося ориентацией на преимущественно рыночное развитие экономики страны, тем не менее признают, что в России невозможна организация рынка электроэнергии. Они указывают при этом на следующие причины. "Во-первых, в производстве энергии технологически невозможно использование такого важного ... инструмента хозяйствования, как складирование продукции: вся произведенная энергия мгновенно отгружается в магистральные линии РАО и столь же мгновенно потребляется. Во-вторых, ...единая энергосистема опять же технологически не позволяет определить, кто чью энергию потребил: производители сбрасывают всю энергию в единый котел (магистральные линии электропередач), а потребители (через посредника, местное АО-энерго) стоят у общей раздачи" (Сиваков, Латынина, 1998. С. 26). Таким образом, коммунальность российской энергетике объективно требует преимущественно нерыночных форм регулирования производства и сбыта электроэнергии в стране.

Коммунальным, по сути, является и наиболее современный вид транспорта - трубопроводный, который в основном обслуживает нефтегазовый сектор. Так, газотрубопроводы занимают абсолютно доминирующее положение в транспорте газа. Если общая протяженность газопроводов в мире составляет около 950 тыс. км, то российских - около 550 тыс. км (Корякин, 2000. С. 17). При этом осо-

- 72 -

бенности расположения газовых провинций - в арктической климатической зоне, вдалеке (на расстоянии 3,5 тыс. км) от территории основного размещения населения и промышленности - обусловили необходимость концентрации общегосударственных усилий на добыче и особенно транспортировке газа, поскольку доля транспортных затрат, с учетом транзита по территории, составляет в себестоимости газа почти 78% (Там же. С. 18). Специалисты отмечают, что экономико-географическая специфика России предопределяет нерентабельность любого коммерческого внутрироссийского массового использования северо-тюменского газа. Единственную альтернативу они видят в том, что институциональным принципом устройства отрасли могут быть лишь централизация и приоритет плано-государственного начала, которые необходимо усиливать (Там же. С. 45-47).

Централизованное теплоснабжение также является важнейшим элементом современной коммунальной производственной и социально-бытовой инфраструктуры страны. Наличие центральных тепловых коммуникаций - отличительная особенность России. В более благоприятных природно-климатических условиях, характерных, например, для наших европейских соседей, теплоснабжение развивалось по другому пути. Там преобладают децентрализованные тепловые системы, вплоть до автономных агрегатов для отдельных жилых или производственных зданий. В России же именно централизация теплоснабжения позволила обеспечить быстрое развитие

производства и относительно комфортные условия проживания населения в условиях холодного климата и больших расстояний.

Социальная инфраструктура современной России, в отличие от прошлых веков, также характеризуется коммунальным характером. В первую очередь это относится к отечественному жилищно-коммунальному хозяйству, которое отличается наличием общих инженерных коммуникаций - теплоснабжения, водообеспечения, канализации. Коммунальный характер жилищной сферы позволил решить важные социальные задачи. Так, к исходу XX в. благодаря централизованным системам жизнеобеспечения показатели обеспеченности жилищ теплом и горячей водой в городах России вплотную приблизились к аналогичным показателям наиболее развитых стран мира.

Коммунальность жилищной сферы во многом объясняет невозможность проведения тотальной приватизации жилья в стране. Мониторинг жилищной реформы 1992-1997 гг. в городах показал, что в "материальном ядре" жилищной системы, представленным землей, на которой стоят жилые дома и располагаются объекты их жизнеобеспечения, приватизации практически не произошло. Что касается следующего уровня - собственно жилых домов, связан-

- 73 -

ных общей инженерной инфраструктурой, то здесь приватизация, выражающаяся долей кондоминиумов - домов в частной (коллективной) собственности, также практически не состоялась. Даже в Москве - лидере жилищной приватизации - доля кондоминиумов составляет менее 1% жилого фонда. Уровень приватизации отдельных квартир колеблется в пределах от 30 до 40%, и его стабилизация в последние несколько лет означает исчерпание приватизационного потенциала в этой сфере. "Тормозом приватизации жилья оказался коммунальный характер обеспечивающей инфраструктуры. При наличии централизованных технологических систем тепло-, водоснабжения, канализации и т.п. невозможно обособленное управление содержанием отдельного жилого дома" (*Бессонова, Кирдина, 1996. С. 122*).

В современных условиях коммунальность становится характерной и для информационной инфраструктуры. На Всероссийском совещании глав региональных государственных телерадиокомпаний (ГТРК) в июне 1998 г. была поддержана "стратегия создания единого производственно-технологического комплекса, объединяющего государственные электронные СМИ" (*Борейко, 1998*), которая вызвана к жизни экономической нецелесообразностью создания своих каналов в каждом регионе.

Объективно присущая производственной среде России коммунальность, обусловленная данными нам природно-географическими и геополитическими условиями, возрастает. Она содействует воспроизводству и становлению определенных технологий, как инженерных, так и институциональных, а также задает способы организации государственной жизни.

Материально-технологическая и институциональная среды образуют, в конечном счете, единую систему и положительно воздействуют друг на друга. Коммунальная среда, не поддающаяся расчленению, со временем приводит к относительному расширению роли государства, выражающего общий, коллективный интерес. Государство создает адекватную этому систему управления во главе с Центром и определяет согласованные правила пользования коммунальной инфраструктурой для всех хозяйствующих субъектов. На каждом историческом этапе формируется соответствующая времени идеология, выражающая справедливость такого общественного порядка. В свою очередь, вновь создаваемые производственные объекты

эволюционно воспроизводят коммунальные свойства и закрепляют на следующем историческом шаге вызванные ими институциональные особенности общественного устройства.

В странах с некоммунальной материально-технологической средой, напротив, постоянно возрастает роль частных собственников в общественной жизни, что выражается в развитии системы соот-

- 74 -

ветствующих экономических и политических институтов и создании адекватных идеологических систем. Развивающаяся и совершенствующаяся некоммунальная среда служит постоянной материальной основой для их воспроизводства.

История показывает, что научно-технический прогресс и масштабная человеческая деятельность не в силах изменить анализируемое свойство материально-технологической среды, превратив ее из коммунальной в некоммунальную, или наоборот. Более того, можно видеть, что по мере развития государств присущая им изначально среда все больше проявляет себя и приобретает более масштабный характер. Так, если на заре российской истории коммунальность была характерна лишь для системы речных путей и сельского хозяйства, то сегодня коммунальными являются энергообеспечение предприятий, жилищное хозяйство городов, железнодорожные сети, трубопроводный транспорт и т.д. Со временем материально-технологическая среда все более воздействует на характер принимаемых организационных и управленческих решений, определяет институциональные технологии, которые затем, в свою очередь, закрепляют и усиливают свойственные материальной инфраструктуре коммунальные или некоммунальные черты.

Вновь обратимся к "биологической метафоре", которую так любят использовать институционалисты (*Нестеренко, 202. С. 363*). Для воспроизводства биологических форм жизни в ходе биохимических реакций важна роль участвующего в реакциях фермента, контролирующего "узнавание" соответствия новых элементов составу "родительской цепи". Для социальных систем таким внешним участвующим в процессе институционального строительства фактором, на основании которого информация "перекодируется" с прежней структуры на вновь создаваемую, выступает материально-технологическая среда. Она обуславливает выбор форм, обеспечивающих соответствие типа "ключ-замок", и тем самым воспроизводит нужные для социального воспроизводства формы и устраняет те, которые избыточны и могут привести к уродству или даже смерти социальной системы. Только в биологии такие процессы занимают мгновения, а в социально-экономической истории - годы и десятилетия, в течение которых формируется, наконец, та институциональная X- или Y-структура, которая наиболее точно соответствует условиям внешней коммунальной или некоммунальной среды, и именно эта структура позволяет обществу выживать и успешно развиваться.

- 75 -

3.4. Резюме

Матричный принцип развития неживой природы - принцип размножения кристаллов - был в свое время выявлен в геологических науках. Оттуда эта идея проникла в биологию, которая связала матричный принцип наследственности с теорией эволюции⁷. Здесь идея матрицы и комплементарной ей реплики позволила разгадать механизмы происхождения и

развития жизни. Этот механизм представляет собой так называемую конвариантную редупликацию, т.е. самовоспроизведение молекулярных структур на основе матричного синтеза, когда по наследству передаются не только генетическая информация, но и дискретные отклонения от исходных состояний, т.е. мутации. Любая сложная молекулярная структура претерпевает изменения, и каждый раз происходит не абсолютно точное ее повторение, а воспроизведение с внесением некоторых изменений. Но поскольку сама матрица передачи наследственных признаков имеет большую степень стабильности, эта последняя обеспечивает процесс передачи генетической основы (Горбачев, 2000, п. 2.3) и воспроизводство жизнеспособных форм. Естественный отбор, таким образом, означает эволюцию конвариантно изменяемых форм на основе матричного воспроизведения (Шноль, 1979), а сама жизнь представляет непрерывное матричное копирование с последующей самосборкой копий.

Нашу работу можно рассматривать как развитие идеи матричного синтеза в отношении социальных систем. Институциональная X- или Y-матрица, представляющая собой устойчивый комплекс институтов важнейших сфер социальной системы - экономической, политической и идеологической, - содержит в себе генетическую информацию, обеспечивающую воспроизводство обществ соответствующего типа. Самовоспроизведение, хранение и реализация информации в процессе роста новых институциональных форм, т.е. создание "плоти социальной жизни", обеспечивается взаимодействием матрицы базовых институтов и матрицы комплементарных институтов. При этом матрица базовых институтов образует генетическую основу. Каждый из базовых институтов взаимодействует с определенным комплементарным (дополнительным) институтом, выполняющим ту же функцию в альтернативной институциональной системе, и, как доминирующей, "накладывает" на него свои информацию, характер, отпечаток. (Аналогично тому, как рост новых клеток и производство белка возможны в результате взаимодействия молекул ДНК - носителей генетической информации, и молекул РНК, комплементарно выстраиваемых вдоль молекулы ДНК и опо-

7. Эта идея, по мнению С. Шноля, принадлежит российским ученым Н.К. Кольцову и Н.В. Тимофееву-Ресовскому (Шноль, 1997).

средованно воспринимающих эту информацию для последующей трансляции.) И так же, как исходные молекулы ДНК и РНК являются матрицами для построения соответствующих макромолекул, так и матрицы базовых и комплементарных институтов создают основу для считывания информации и последующего синтеза живых социальных и институциональных форм.

Общества начинают свою жизнь тогда, когда они приобретают способность генетически воспроизводить "нажитую информацию", и институциональные матрицы являются механизмом передачи такой информации. Поэтому выявление институциональных матриц возможно только для обществ с воспроизводящейся историей, и их бесполезно искать "в доинституциональной" истории. А определение специфики, содержания доминирующей в обществе институциональной матрицы, как и механизма взаимодействия базовых и комплементарных институтов, позволяет осознанно осуществлять институциональное строительство и минимизировать социальные издержки эволюционного развития стран и народов.

Структура изложенного в Разделе I материала представлена в виде блок-схемы на рис. 4. Выполненный анализ новых исследовательских схем, разработанных нашими коллегами для исследования закономерностей и специфики российской экономики, носит одновременно и критический, и комплиментарный характер, что естественно отвечает нашим целям. Критика возможностей названных схем имеет целью определить необходимость наших собственных теоретических построений, позволяющих, дать ответ на те вопросы, которые не решаются коллегами. Комплементарность связана с тем, что нас всех объединяет одна и та же цель, и цель эта - поиск истины. Но истина не единственна, она многогранна. Научное знание подобно стеклянному кристаллу со множеством граней - чем их больше и чем идеальнее они отшлифованы, тем обширнее и точнее отражается в этом кристалле знания окружающий мир.

Наши знания в конце концов складываются, дополняют друг друга. По-видимому, каждое из них само по себе несовершенно - по крайней мере в отношении собственных результатов мы в этом не сомневаемся. Но во взаимодействии и при поддержке мы попытаемся поделить свои новые взгляды с теми, кому также интересно стремиться к недостижимой истине. Следующий раздел всецело посвящен изложению наших представлений о специфике редистрибутивных и рыночных экономик как альтернативных и дополняющих друг друга экономических систем.

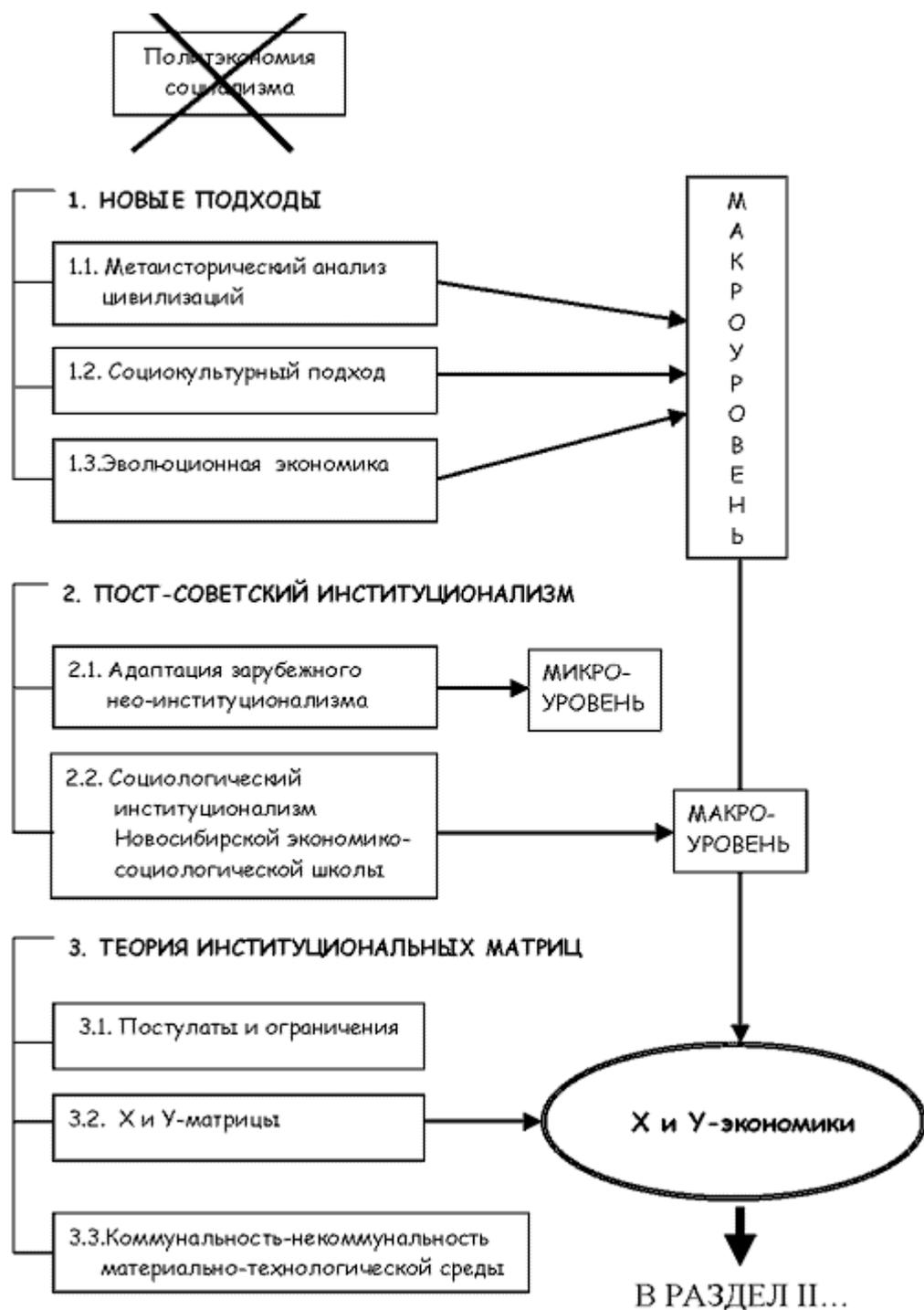

Рис. 4. Блок-схема Раздела I